

ПОВЕСТЬ Альберта Лиханова «Высшая мера», напечатанная в журнале «Знамя» № 4 за 1982 год, читается без отрыва, но очень нелегко читается, и, будучи «короткой» повестью, она вместила в себя целый жизненный роман. Драматичный. Современный.

Признаться, я начинал читать повесть настороженно и даже с некоторым недоверием.

Повествование ведется от первого лица. Это не ново. И даже модно. Но вот лицо-то непривычное — пожилая женщина рассказывает о себе и о своей небольшой семье в момент ее развала, и даже не развала — кончины, краха.

Быть может, обаяние этой повести состоит в том, что она ведется «по законам» бесхитростного, дорожного рассказа о себе, о судьбе своей, о своих близких. Выли, были такие времена, когда проснешься среди ночи в качающемся, мерно постукивающим вагоне или в пароходе, пошлепывающем плицами по воде, где-то чуть теплится свет, в полутьме загораются от замятки и гаснут неторопливые сигарки, и тихий чей-то голос, со вздохами, перерывами, ведет, ведет нехитрую историю по извилистым жизненным дорогам.

Как много счастливых повторов тех дорожных историй оказалось в русской литературе.

Но меняются времена. Мы уже чаще летаем, если же ездим, то не в общих, в купейных вагонах, плаваем — не на палубе, а в каютах. Какие уж тут «беседы»? Тут продолжение одиночества, так неожиданно захватившего нас в толпе городских людей, одиночества, кажущегося нам удобным, спасительным.

До поры, до времени. Вот она, славная, добрая, самоотверженная женщина — Софья Сергеевна, обыкновенная работница обыкновенной студенческой библиотеки, едет в двухместном вагонном купе одна, оглушает себя сновторным, чтобы хоть на минуту забыться и забыть, да плохо у нее это получается, и побеседовать возможно только с одним человеком — с собою. Пробует милая вагонная проводница «завязать разговор», развеять явно чем-то расстроившую и большую пассажирку, но даже и этот привычный, «бабий» контакт не налаживается...

Да и как ему наладиться? Сердце надорвано. Жизнь сломлена. И если бы одна ее жизнь! У всех ее близких и у самой Софьи Сергеевны отныне все пойдет по-другому, не лучшему «пути».

Жили-были две сестры: Софья и Женечка. В трудное время, в войну, разом осиротели. И вот не когда-нибудь, в самый тяжкий период войны Женечка влюбилась. Ну, конечно же, по всем законам «жесткой» вагонной истории, влюбилась в героя, в настоя-

студенты, среди которых оказывается и Саша, несколько вялый по жизни парень, однако с очень мастеровыми и ловкими руками, что совсем немудрено — вырос-то среди бабья, и надо было рано делать по дому мужскую работу. Они встречаются нынче, эти малолетние «мужики», берущие на себя мужские заботы, помогающие матерям-одиночкам исполнять ту работу, которую не хотят делать иные «папы», толпящиеся возле какой-нибудь залпаванной пив-

жизнь и наша повседневная действительность подает беспрерывные примеры тому, как рвутся души, судьбы, семьи под напором алчности, все возрастающих «потребностей», страсти к накопительству, или «вещизму», как это ныне называется.

В другом месте, в другой семье это было бы «в самый раз», радостью б и счастьем, может, почиталось бы накопительство, сделалось бы смыслом жизни, но куда же деть влияние старой, щепе-

которой не покидает читателя чувство нарастающей тревоги и протеста. Но, как мыслит героиня повести, «не так-то просто стереть доброту», да и не купить ее ни за какие деньги, ни за какие вещи — самое бескорыстное и самое бесценное, что было и есть на свете, — это она, доброта, и сколько бы ни пытались исказить, обезобразить ее смысл и суть — ничего не выйдет: добро со злом «несовместно», как «гений и злодейство...»

Игорек и десять классов не закончит, и до другого дела не дойдет — он разобьется на том самом мотоцикле «Ява», который ему преподнесли родители в честь окончания девятого класса. Его незрелую душу разорвут надвое — с одной стороны, изверженная во всем, в каждом шаге и поступке ложная жизнь родителей, и с другой — такая простая, но праведная жизнь Софьи Сергеевны, которая и бабкой-то ему не была — он узнал об этом, догадался «узнать», а вот родители, те, как говорится, так и «не доспели». Она не бросила большую девочку и маленького мальчика. «Чего в этом особенного? — ворчит бабка в ответ на вопрос внука. — Без них мне было бы в тысячу раз хуже». Хуже ли? Могла ведь выйти замуж, нарожать своих детей, испытать полноценное чувство материнства...

А долг? А исполнение простых человеческих обязанностей? «И мыслимо ли все расчитать?..» Мыслимо ли добиться счастья, думая лишь о себе?

Нет, не мыслимо! — отвечает всем своим строем, тоном и словом повесть Альберта Лиханова: «Прощет невольный да простится, расчет лукавый — никогда!» — сказал великий наш современник и поэт.

И вот они, двое, провожают бабку домой — все трое чужие друг другу, разъединенные смертью любимого, ни в чем не повинного человека, бегут за вагоном, приговарившие сами себя к «высшей мере» — к вечной вине и мукe, и спрашивают взглядом: «Как теперь жить?»

Нелегкий, современный, назревший для героев книги вопрос. Тревожная повесть. Серьезная литература.

Виктор АСТАФЬЕВ.

СУД СОВЕСТИ

шего Героя Советского Союза. Да кабы одна влюбилась — и сестра ее, Софа-то, тоже «тайно страдала» по герою, хотя, как мне кажется, это уже лишковато даже для истории, построенной по старым добрым законам увлекательного дорожного повествования. Не избежал автор и других излишеств, увлек, видно, не очень строг и взыскателен был местами к себе и к своим героям. Бывает это, и не с одним Лихановым, когда материал одолевает автора и правит им.

Одним словом, «роковая» любовь привела к тому, что у Женечки родился сын Саша, потом и дочь Аля. Но Аля родилась уже после смерти отца, погибшего не в бою, а от бандинского ножа.

И вот Софа, после смерти сестры Женечки, забирает малышкой, уезжает в провинциальный город и там «растит» «сына и дочь», которая от родовой травмы остается навсегда больной, искалеченной и которая, кстати, не произнесла ни одного слова, не сделав ни единого шага, тем не менее наполняет повесть таким добрым теплом, высветляет таким ясным светом, что, казалось бы, к безысходной истории ее и семьи Софьи Сергеевны относиться не только с сочувствием, но и с долей любви и надежды.

Итак, маленький домашний мир, полный забот о хлебе насущном, каждодневная, привычная и любимая работа в очень небольшом и славном коллективе, веселый народ

нушки или пьяно гогочущие по чужим подъездам.

Будучи студентом, Саша встречал студентку Ирину и женился на ней. Ну что ж, в общем-то, типичная история. Только вот в квартирке сделалось еще теснее и материальнее еще труднее — Саша, окончив институт на тройки, остался учителем в школе, тоже средненьким, а вот его жена — отличница — осталась вовсе без работы — она «испанистка», в «испанцах» же этот провинциальный город не нуждается. Есть дватри преподавателя, и единственный вариант — выгнать одну из испанисток и взять Ирину, тем более, что она «молода, красива, а молодость — бесспорное преимущество перед старостью».

Свекровка, Софья Сергеевна, вроде бы и в шутку, передала невестке эти слова прокуратора по учебной части, но невестка-то отнеслась к ним всерьез, сама решила устроить свою судьбу, и устроила! Попробовала один, другой костюм — и вот достигла своего, определилась секретаршей у директору огромного завода.

Директор так и останется ее, Ирины, восторженным воздыхателем, но все, что надо и возможно от него получить, Ирина получит, даже путь в столицу ей, а следовательно, и муженьку ее с «золотыми руками» откроется.

Там захочется супругам маленько обзавестись, пожить «для себя», да где граница этого «маленького», кто ее указал? Нет такой границы, что со всею очевидностью доказывает нам окружающая

тильной библиотекарши, всю жизнь экономившей рублевки и копейки и при первой же возможности купившей новое синее платье «благотельнице Марии», которое та, впрочем, лишь примерив, передала Ирине. «Справились» с ее моралью и влиянием невестки и сын, трудно, не до конца, но справились, разошлись благополучно или, как нынче принято говорить, «разбежались», выгодно для себя: Саша пристроился возле денежной вдовы, Ирина, при его полете, кватанула и того выше — вышла за дипломата.

«Тебе трудно, понимаю, такие новости, — говорит матери сын и говорит-то обиженным голосом. — Но я, кажется, впервые счастлив. Меня любят. Я люблю тоже...»

Вот такая мораль: «Я — счастлив», «Меня любят», «Я, я, я, мое» Ну, а где же мать? Где несчастная сестра, к которой даже суровая и слезжанная Ирина относилась с нежностью и состраданием. Где, наконец, сын, Игорь, которого родители «вырвали» у строптивой, непокладистой бабушки, избавились от нее и от ее надоедливого досмотра...

А сын Игорек, подросток еще, учащийся школы, живет, оказывается, один в хорошо обставленной квартире, с холодильником, набитым едой «по крайней мере на семью из трех человек». Мама приезжает убраться в квартире сына, пала навешает его, интересуется учебной, отвлекает и развлекает...

Превосходно написана сцена «торжества», во время

Космос правда, 1982, 8 мая